

ВВЕДЕНИЕ

1. Функциональная неграмотность как социально-культурный феномен

Глобализация, как показывает опыт, вовсе не направлена на «отбор» высших достижений человечества — напротив, она усредняет формы познания действительности и принципы бытия в соответствии с агрессивными идеологиями и политикой. Такие формы и принципы легко усваиваются основной массой населения (социологам и психологам хорошо известно, что сложные культурные модели поведения способны присваивать лишь 2 % человечества), а цивилизационным вектором становится развитие технологий — производственных, управленческих, коммуникационных — унифицирующих социальное бытие, задающих вполне определенную мотивацию деятельности масс: пусть постепенное, но полное принятие современных «западных ценностей» и идеалов потребительского общества. Вот почему происходит реальная смена субъекта мышления: гиперсубъектом общественно-исторического процесса становится именно глобализация как идеология, распространяющая нормы стандартизованного и предельно регламентированного существования человечества [Адольфи 2010], в котором важными критериями являются не «хорошо — плохо», а «успешно — неуспешно».

Это приводит к все более активному использованию редупликации как способа присвоения социально одобряемых моделей поведения и снижению личной ответственности за характер деятельности. Действующим субъектом становится сама реальность, по сути, управляющая деятельностью индивида и даже в определенной степени заменяющая ему необходимость действовать осмысленно. Такие модели поведения распространяются на все типы деятельности, в том числе на процесс порождения речи, и, как следствие, приводят к функциональной неграмотности, усиливающейся быстрым развитием «памяти

вне мозга», изменяющей сам принцип устройства человеческой памяти, а значит, иные функции мышления, которые все чаще передаются компьютеру.

О росте функциональной неграмотности населения планеты зарубежные исследователи начали говорить еще в 80-е гг. XX в. Под функциональной неграмотностью в общем смысле подразумевается неспособность человека, формально умеющего читать и писать, понимать и анализировать тексты, в том числе инструкции, вообще находить и продуцировать нужную в деятельности вербальную информацию. Исследователи утверждают, что функционально неграмотные люди осознанно и неосознаваемо пытаются избегать не только сложных, но и вообще интеллектуальных задач; несмотря на детальные инструкции, повторяют одни и те же системные ошибки в профессиональной и других типах социальной деятельности; испытывают значительные трудности при выполнении любых словесных инструкций, особенно письменных (экспериментально установлено, что устные задания понимаются функционально неграмотными людьми лучше, чем письменные); успешно ориентируются только в ситуациях бытового общения, обусловленных конкретными временными, локальными параметрами и предметно-содержательными компонентами; наконец, не умеют анализировать и тем более продуцировать аналитические тексты.

Функционально неграмотные люди готовы воспроизводить повторяющиеся действия в процессе деятельности, но не владеют необходимыми навыками и умениями выполнения сложных операций и типов деятельности, особенно не алгоритмизированных.

Быстро теряется способность функционально неграмотных людей осмысленно поддерживать дискуссию, в том числе по прочитанному тексту, выдерживать алгоритм не бытовой, а профессиональной деятельности.

При чтении у таких людей часты психосоматические проблемы: практически с начала процесса они испытывают желание прекратить чтение, жалуются на боль в глазах и головные боли. Серьезность проблемы усиливается еще и тем, что сама функциональная неграмотность имеет латентный характер: в повседневной бытовой коммуникации она малозаметна, хотя тоже проявляется и в неспособности правильно прочесть инструкцию по применению медицинского препарата, собрать простое приспособление, проанализировать текст

на упаковке товара, заполнить, даже по образцу, налоговую декларацию, не говоря уже о составлении текстов официальных заявлений, апелляций, писем.

Все перечисленные факты говорят о том, что функциональная неграмотность имеет нейрофизиологическую основу и обнаруживается в разных проявлениях психической деятельности. Так, при столкновении с трудностями в понимании текста функционально неграмотный человек часто ведет себя агрессивно по отношению к людям, требующим от него выполнения задания [Сокологорская 2015]. Особенно очевидно такое поведение у младших школьников и подростков, хотя отмечается и в других исследованных возрастных группах молодежи, в том числе у студентов. Это свидетельствует о социальной серьезности проблемы, поскольку мы наблюдаем формирование нескольких поколений функционально неграмотных людей.

Причины функциональной неграмотности, выявляемые исследователями, различны: социально-культурные, педагогические, нейрофизиологические, технологические и др., причем в реальном бытии социума они взаимодействуют. Так, увеличение количества и усложнение качества информации приводит к некритическому ее усвоению или к такому же «отбрасыванию». Цифровые технологии способствуют формированию ментальных операций редупликации, которые актуализируют процессы манипулирования сознанием человека в угоду целям владельцев цифровых ресурсов. Контроль уровня школьного образования, ориентированный на *выбор* ответа, с одной стороны, закрепляет операции редупликации, с другой — не дает оснований для развития ментальных и вербальных умений и навыков порождения и восприятия *связной* речи. В стремительно меняющемся мире индивид далеко не всегда успевает осознать изменения, что приводит к дезинтеграции личностной идентичности, следствием которой может быть и часто бывает сосредоточение на прагматических проблемах бытия, и, следовательно, активное пользование ментальными и речевыми структурами, обслуживающими именно их. Человек часто ищет объяснение происходящему в оккультных науках и довольно часто теряет смысл жизни вообще [Печчеи 1985; Кулюткин 2008 и др.]. Все это создает социально-культурную базу для смены традиционных ценностей в обществе, одной из которых является формирование всесторонне развитой, образованной личности.

К сожалению, человечество оказалось по разным причинам не готовым к тому, чтобы серьезно воспринять, вовремя проанализировать причины и выработать эффективные формы противостояния функциональной неграмотности. Более всего тревожно, что «деградация в первую очередь коснулась всех сфер деятельности, так или иначе связанных со словом» [Сокологорская 2015] (курсив наш. — В.П.), и это, на наш взгляд, — самый серьезный момент в функциональной неграмотности, резко разделивший население планеты на две неравные части: людей, обладающих высоким уровнем языковой компетенции и способностью выполнять *сложные ментальные неалгоритмические операции*, и людей, владеющих *операциями воспроизведения готовой информации*, умеющих действовать только по заданному и простому алгоритму, неспособных к поисковой деятельности.

Программа исследования «Инновационные практики обучения» (ITL) 2009–2012 гг., осуществленная Стэнфордским исследовательским институтом, предполагает сформированность у учащихся следующих «навыков XXI в.»: самостоятельное приобретение и пополнение знаний, их интеграция и перенос; разрешение проблем и инновационность; использование компьютерных технологий в обучении; коммуникативные умения; навыки сотрудничества; самостоятельное планирование своей работы, мониторинг индивидуального прогресса в учении. В исследовании The Boston Consulting Group и Всемирного экономического форума в Давосе 2013 г. (<http://www.oecd.org/site/piaac/surveyofadultskills.htm>) отмечено, что базовые навыки, необходимые для решения повседневных задач, должны включать чтение, письмо, математическую, естественнонаучную, ИКТ, финансовую, культурную и гражданскую грамотность [Schleicher, Ramos 2016]. Использование таких навыков предполагает наличие у человека критического мышления, необходимого для решения сложных задач, креативности, умения общаться и работать в команде, что немислимо без любознательности, инициативности, лидерских качеств, способности адаптироваться к разным условиям.

Однако принципы определения уровня функциональной грамотности 15-летних учащихся разных стран в рамках программы международных исследований PISA, оценивающей степень усвоения учебного материала, сформированность необходимых навыков и способность использовать их в решении жизненных задач, показывают,

что навыками, адекватными уровню технологий и цивилизации XXI в. в целом, обладает лишь незначительная часть населения планеты.

Нас интересует проведенное в рамках этой программы исследование читательской грамотности российских учащихся как «способности к пониманию и осмыслению письменных текстов, к использованию их содержания для достижения собственных целей, развития знаний и возможностей, для активного участия в жизни общества» [Бершадская 2012]. Российские дети, как правило, останавливаются на втором уровне понимания текста (всего их 6). Уже текстовая формулировка заданий показывает, что учащиеся далеко не всегда способны применить полученное ими готовое знание в решении задач, поскольку уровень понимания ими вербального произведения является чрезвычайно низким. Так, если задание предъясняется следующим образом: $5 \times 4 = ?$, его правильно решает 95 % школьников. Если задание формулируется текстово иначе: *В коробке 5 рядов по 4 конфеты в каждом. Сколько всего конфет в коробке?* — задание правильно выполняет 85 % учащихся. Если же в качестве задания дается такой текст: *У меня завтра день рождения, будет 15 человек. Хватит ли мне одной коробки конфет, если в ней 5 рядов по 4 конфеты в каждом. Поясните ответ,* — то задание правильно выполняет всего 50 % обследуемых [Бершадская 2012]. Ситуация вполне объяснимая: если знание присвоено не аналитическим путем, как некая готовая совокупность сведений, оно редко может быть встроено в поисковую деятельность.

Особенно тревожно, что, даже по данным, представляющим ситуацию в начале 2000-х гг., девятилетние российские дети демонстрируют хорошие результаты при определении уровня функциональной грамотности, однако в возрасте 15 лет российские школьники показывают одни из самых низких результатов в Европе на протяжении 14 лет [Жукова 2006]. 27,4 % школьников не достигли второго, порогового уровня функциональной грамотности всех видов. При этом общеизвестно, что человек способен получать новые знания при чтении текстов, только начиная с четвертого уровня. Таких школьников у нас было 14,3 %. Легко предположить, что, поскольку факторы, активизирующие функциональную неграмотность, не устранены, эти цифры сейчас менее оптимистичны. Основная проблема читательской грамотности — осмысление и оценивание вербальной информации, ее интерпретация и обобщение, с которыми не справляется большая часть обследованных, а это значит, что они не овладевают и другими

необходимыми знаниями и навыками [Чудинова 2007], поскольку подавляющее количество информации о мире представлено в вербальных текстах. Естественно, что производить информационно содержательные, в том числе аналитические речевые произведения, может еще меньшее количество выпускников...

Но есть и программы, исследующие читательскую компетенцию взрослых. Так, О. Подольский, руководивший группой «Проектирование обучения и развитие компетенций» Института образования НИУ ВШЭ, сообщает, что в 2013 г. были опубликованы результаты первого исследования PIAAC (Programme for the International Assessment for Adult Competencies), представляющего главные компетенции взрослых в ряде стран. В России установлен средний по сравнению с европейскими странами уровень читательской грамотности взрослых, причем людей с высоким и очень низким уровнем читательской грамотности немного [Подольский 2015]. Это означает, что в России потенциально большое поле для функционально неграмотных людей.

Неудивительно поэтому, что уже создаются инструкции, как писать тексты для функционально неграмотных людей (например, строить императивные тексты, не использовать терминологические слова, не употреблять слов с неоднозначной семантикой, разбивать информацию на простые блоки, не использовать длинных предложений, снабжать текст наглядным материалом...). Это, возможно, является решением вопроса в конкретной ситуации, но проблему функциональной неграмотности не только не устраняет, но, как кажется, только усугубляет. Индивид, для которого пишут подобный текст, никогда не сможет повысить свою функциональную грамотность, стать «человеком, который способен использовать все постоянно приобретаемые в течение жизни знания, умения и навыки для решения максимально широкого диапазона жизненных задач в различных сферах человеческой деятельности, общения и социальных отношений» [Бунеев 2003, с. 35]. К тому же, учитывая зависимость нейрофизиологических процессов от культурных, со временем станет некому писать такие тексты.

Страдает в сложившейся ситуации и высшее образование, которое ставит перед преподавателем задачу формирования различных общекультурных и профессиональных компетенций, в том числе универсальных: их невозможно сформировать с опорой на существующий

уровень читательской грамотности. Так, универсальные компетенции предполагают способность индивида к восприятию, обобщению, анализу информации; умение логично и аргументированно строить устную и письменную речь. Однако, как свидетельствуют ранее изложенные данные, такими навыками выпускники школ в большинстве своем не владеют или владеют плохо.

2. Причины функциональной неграмотности

Можно выявить несколько типов причин функциональной неграмотности современного населения. Причина *внешняя, цивилизационно-культурная* — распространение простых культурных мемов, способствующих упрощению операций с информацией и принятию клишированных форм познания, в которых преподносятся фрагменты готового знания. Эта причина, в свою очередь, обусловлена формированием иной *иерархии базовых ценностей* под влиянием социально-исторических и политических факторов.

Возникает конкретная культурно-историческая ситуация, в которой в противоречие вступили два процесса, определяющие формы коммуникации: с одной стороны, развитие информационных технологий, с помощью которых продуцируются поликодовые тексты нового уровня с включением в них наглядных знаков разной сложности, требует становления специфических ментальных операций; с другой — эволюционная нейрофизиологическая основа стихийно развивающихся естественных языков предполагает пользование абстрактными линейными знаками высокой степени отвлеченности. Принципиальная линейность и произвольность языкового знака, определяющие формирование операций его интерпретации, вступают в противоречие с распространяющимися в цифровом пространстве наглядными знаками, редуцирующими *одно и то же* содержание в *модифицируемых формах*. В целом степень абстрактности используемых в цифровом пространстве знаков существенно снижается, что приводит к затруднениям в восприятии и интерпретации языкового знака как принципиально абстрактного и произвольного.

В ряде статей, анализируя проблему влияния информационных технологий на нейрофизиологию мозга, мы отмечали, что под их влиянием постепенно осуществляется *системное изменение принципов естественного семиозиса*, эволюционно ориентированного на вер-